

Идея Преображения в русской литературе XX века

Кошелева Ирина Николаевна,

кандидат филологических наук,

преподаватель кафедры философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета экономики и управления – «НИНХ»,

Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

i.n.kosheleva@edu.nsuem.ru

Аннотация

В статье в качестве исходной, основополагающей идеи русской литературы репрезентируется идея Преображения, выраженная и закреплённая в семантическом потенциале языка, знака и символа.

Задачи, решаемые в настоящей статье, сформировались под влиянием исследований в области смыслового потенциала языка, раскрывающегося перед его носителями в конкретных историко-культурных реалиях. В частности, рассматривается связь между особенностями национального сознания и лексическими значениями таких слов, которые не имеют аналогов в других языках (свет, мир, правда, воля), т. е. создают те самые смыслы, которые не могут распознать и раскрыть носители других языков. Эти смыслы составляют духовную основу национального характера. Анализ контекстуальных значений данных слов составляет основу представленной работы и приводит к выводам о том, что они образуют семантическое единство, в том числе на уровне центральной для русской культуры и литературы идеи Преображения человека и мира.

Анализ идеи духовной трансформации человека в русской литературе XX века осуществлён на основе репрезентации семантико-смысловых моделей художественных миров произведений И. Шмелева, В. Шукшина, А. и Б. Стругацких, включающих концепты идеи Преображения. Писатели проводят своих героев различными путями к внутреннему преобразению, при этом трансформирующие компоненты всегда персонафицированы: в произведении И. Шмелева вектор преобразования формируется концептами «душа – вера – чудо – сердце / взгляд сердца – мир – правда – свобода – свет / светлый / светить»; в произведении В. Шукшина – «душа – совесть – мир – миролюбие – смирение – правда / справедливость – ясность – свет / светлый / светить – воля / свобода»; в произведении А. и Б. Стругацких – «свет / светит / рассвет – чудо / чудеса – воля / волевой барьер – мир / мировой – надежда – правда / полиправда – дар – счастье / счастливый – душа». Степень приближения героя к миру, свету, правде различна, задаётся она в том числе через количественную насыщенность произведения концептуально значимыми словами и через их соотношение с концептами-антагонистами. Таким образом формируется индивидуальный вектор

движения человеческой души, устремленной к обретению новых высших смыслов. Вместе с тем объединяющим компонентом для них становится напряженная внутренняя работа, которую беспрестанно ведут писатели и их герои.

Ключевые слова: Преображение, паламизм, дух, свет, мир, правда, воля, полисемантическая, светоносный код языка.

The Idea of Transfiguration in Russian Literature of the 20th Century

Irina Kosheleva,

Cand. Sc. (Philology),

Lecturer of the Department of Philosophy and Human Sciences

Novosibirsk University of Economics and Management,

56 Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

i.n.kosheleva@edu.nsuem.ru

Abstract

The article presents the idea of Transfiguration expressed and fixed in the semantic potential of language, sign and symbol as the initial, fundamental idea of Russian literature. The tasks solved in this article were formed under the influence of research in the field of the semantic potential of language, which is revealed to its speakers in specific historical and cultural realities. In particular, the connection between the peculiarities of national consciousness and the lexical meanings of such words that have no direct analogues in other languages ("svet", "mir", "pravda", "volya"), i.e. create very specific meanings that speakers of other languages cannot recognize as such. These meanings form the spiritual foundation of the national character. The analysis of the contextual meanings of these words forms the basis of the presented work and leads to the conclusion that they form a semantic unity, including at the level of the idea of the Transfiguration of man and the world, which is central to Russian culture and literature.

The analysis of the idea of spiritual transformation of man in Russian literature of the XX century is carried out on the basis of representation of semantic-semantic models of the artistic worlds of works by I. Shmelev, V. Shukshin, A. and B. Strugatsky works, including the concepts of the idea of Transfiguration. The writers lead their characters through different paths to inner transformation, and the transforming components are always personified. In I. Shmelev's work, the vector of transformation is formed by the concepts "soul – faith – miracle – heart / heart's look – peace – truth – freedom – light / light / to shine". In the work of V. Shukshin – "soul – conscience – peace – peacefulness – humility – truth / justice – clarity – light / bright / shine – will / freedom". In the work of A. and B. Strugatsky – "light / shines / dawn – miracle / miracles – will / will barrier – world / world – hope – truth / half-truth – gift – happiness / happy – soul". The degree of the hero's approach to the world, light, truth is different, it is set, among other things, through the quantitative saturation of conceptually

significant words in the work and through their correlation with the concepts-antagonists. Thus, an individual vector of movement of the human soul, aspiring to the acquisition of new higher meanings, is formed. At the same time, the unifying component for them is the intense inner work, which is continuously conducted by writers and their characters.

Keywords: Transfiguration, Palamism, spirit, light, world, truth, will, polysemanticism, light-bearing code of language.

Библиографическое описание для цитирования:

Кошелева И.И. Идея Преображения в русской литературе XX века // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 1, ч. 2. – С. 455–468. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-455-468.

Kosheleva I. The Idea of Transfiguration in Russian Literature of the 20th Century. *Ideas and Ideals* = *Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 1, pt. 2, pp. 455–468. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-455-468.

Введение

Одной из центральных в русской литературе является идея Преображения, идея духовной трансформации. Рождена она была стремлением раскрыть и познать элементы, составляющие основу русского менталитета, его коллективную философию, что не только определило интерес к национальной логике и эстетике, народному складу мышления, но и обогатило семантический потенциал языка для выражения самых сокровенных чувств и мыслей человека. Утонченная и сложная иерархия ценностей, выраженная в образах, символах, языке, аккумулировала в себе энергию исторической памяти и отразила высокий уровень культуры его носителей.

И.С. Шмелев писал о природе русской литературы: «Наша литература [...] как бы спаивает-вяжет Землю с небом. В ней почти всегда – “вопросы”, стремления “раскрыть тайну”, попытки найти разгадку мировых загадок, поставленных человечеству Неведомым: о Боге, о Бытии, о смысле жизни, о правде и кривде, о Зле-Грехе, о том, что будет там... и есть ли это там?» [11]. Действительно, русская литература всматривается в небеса, как в идеальный, совершенный образ, проникает в глубины души человека. Писатели на протяжении всей ее истории ведут поиск пути к Преображению, раскрытию в человеке лучших его качеств.

Об уникальности русской литературы писали не только те, кто сформировался под влиянием ее идей и образов. Опираясь на семиотику и теологию, Стивен К. Хатчингс в книге «Русский модернизм. Преображение повседневности» утверждает, что особый способ, которым русская культура констатирует понятие повседневной жизни, возник в результате диалога между двумя традициями, одна из которых отражена в западной репрезентативной эстетике, а другая заключена в православном акценте на икони-

ческом воплощении образа или идеи. В рамках первой традиции повседневное начало фигурирует как нейтральное и нормативное, в рамках второй – повседневное спаяно с концептуальными смыслами мира дольнего, открывающими путь к пониманию и обретению божественной сути мира. Другими словами, иконичность русского слова создает потенциал для преобразования. Хатчингс, анализируя произведения русской литературы рубежа XIX–XX веков, показывает, как писатели утверждали знаковый потенциал, скрытый в критике репрезентативизма со стороны русского реализма. Слово при этом наделяется дополнительной созидательной функцией моделирования реальности, а функция искусства переопределяется как функция не изображения, а преобразования повседневной жизни.

Основная задача настоящей статьи – рассмотреть воплощение идеи преобразования мира и человека в литературе XX века. В качестве материала для исследования выбраны разные в жанровом отношении произведения И. Шмелева, В. Шукшина, братьев Стругацких, что позволяет определить принципы построения семантико-смысловых моделей разнокачественных художественных миров литературы XX века в аспекте бытования идеи Преобразования.

Феномен Преобразования в русской художественной словесности

Подходы к исследованию одной из ключевых идей русской литературы многообразны. К историко-литературному, структурно-системному, сравнительно-типологическому, контекстному методам анализа обращается в диссертационном исследовании феномена Преобразования в русской художественной словесности XVI–XX веков Е.А. Гаричева [1]. Анализу смыслового стержня отечественного самосознания и раскрытию семантического потенциала слов «свет», «воля», «правда», «мир», в том числе на уровне взаимодействия их лексических значений, посвящены работы О.А. Донских (см., например, [2]). Интересно, что эти слова входят в ореол идеи Преобразования. В исследованиях О.А. Донских социокультурные интерпретации проявляются объемно и открывают перспективы в изучении эволюции смыслов русской литературы и культуры: «ключевые слова, которыми можно охарактеризовать национальное сознание и которые определяют наиболее глубокое его содержание, своеобразную метафизику, оказались непереводаемыми на другие европейские языки, потому что содержат по два (или три) принципиально отличных смысла» [2, с. 163].

Вне всякого сомнения, полисемантичность слов «воля», «свет», «правда», «мир» рождена историческим контекстом пути русской цивилизации и отражена в культуре. Если выделить сущностную характеристику всех

лексических значений, содержащихся в толковых словарях С.И. Ожегова [5] и Д.Н. Ушакова [9], очевидно, что часть их значений пересекаются, образуя своеобразный лексико-семантический узор или светоносный код языка:

свет	лучистая энергия, проявленный мир, пространство , <i>состояние</i> , напряжение , знание
воля	напряжение внутренних сил, свобода, открытое пространство , право
правда	справедливость, право , истина
мир	пространство , единение, община, <i>состояние</i>

Связь между рассматриваемыми словами усиливается лексическими единицами, которые в равной степени могут выступать в качестве их семантического продолжения. Например, ясный / ясность коррелирует со словами «свет» и «правда», достоинство – со словами «правда» и «воля», и т. п.

В настоящем исследовании через раскрытие семантического потенциала слов «свет», «воля», «правда», «мир» с применением структурного и сравнительного методов проанализированы модели и пути духовной трансформации человека в художественных произведениях писателей XX века.

Конечно, поиск нетварного преобразующего света, а вместе с ним и путей, которые ведут человека к нему, рожден не XX веком, писатели вели его на протяжении всей истории развития русской цивилизации. Концепт света стал основой смыслового сюжета эпохи Просвещения: например, в творчестве В.К. Тредиаковского свет согласуется с безмерностью, ясностью, солнценосностью, державностью, Россией, изобильностью, божественной благодатью, идеей Святой Руси («Стихи похвальные России»). Анализ творчества поэтов-просветителей (А.П. Сумарокова, В.В. Капниста) показал, что источником преобразующего света в эпоху Просвещения традиционно выступала монаршая воля. Г.Р. Державин выходит за пределы установившейся в эпоху Просвещения традиции, согласно которой свет был связан с темой монархического величия, в его творчестве сияние / свет становится свойством мира («Фелица»). Преображающий свет в творчестве В.А. Жуковского связан с идеей животворения и неизменности / постоянства, он несет защиту, отождествляется с верой, горящей в человеческом сердце («Светлана»). В творчестве А.С. Пушкина феномен преобразования связан с Волею Небес и призыванием к служению («Пророк»), в творчестве А.П. Чехова – с состраданием и просветлением («Студент», «Архиерей»), у Ф.М. Достоевского выражен в смиренномудрии и христианской любви («Братья Карамазовы», «Идиот»).

Доминантой эпохи Серебряного века явилось внеличностное социальное начало бытия, концептосферу составили Любовь, София, Всеединство, синергичное единение с Богом, Мировая душа, Красота, Добро и Зло. Эпоха оказалась чрезвычайно богата талантливыми философами, среди которых П.А. Флоренский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой. Все они были вдохновлены идеей Преображения в парадигме исихазма, в частности паламизма. Этот жгучий интерес к феномену Преображения не мог не отразиться и в литературе. По мысли А. Белого, искусством будущего должна была стать теургия, т. е. искусство, цель которого запечатлеть ритмы преобразования.

Поиски пути к Преображению: И. Шмелев, В. Шукшин, А. и Б. Стругацкие

Имея столь мощный импульс, уходящий своими корнями к истокам литературы, писатели XX века не только сохранили интерес к жизни души, поиску духа, но и обогатили семантико-смысловое поле идеи Преображения.

В рассказе «Куликово поле» И. Шмелев показывает два пути духовной трансформации человека и его бытия. Первый – путь сердца, чувств, восприятия, его проходят Василий Сухов и Оля Среднева; второй – путь разума, познания, его выбирает следователь. Но рациональный путь, по словам Оли, ограничен малым земным знанием. Источником Преображения становится чудесная встреча героев (Василия Сухова и Оли Средневой) со святым старцем Сергием Радонежским и обретение героями креста с Куликова Поля.

И. Шмелев формирует вектор пути преобразования «душа (27) – вера (9) – чудо (12) – сердце (20) / взгляд сердца – мир (3) – правда (16) – свобода (4) – свет / светлый / светить (44)» (в скобках приводится частота употребления словоформ в тексте). Перекрещивание смыслов и судеб героев связываются воедино обретением креста с Куликова Поля. Медный крест объединяет временные пласты: он является и свидетелем Куликовской битвы, и символом настоящих, нынешних испытаний. Кроме того, крест является символом Небесной Правды, воплощает идею спасения, благовестия, объединяет два мира – земной и небесный. В художественной форме И. Шмелев выражает идею преобразования чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса), некогда выраженную в трудах Григория Паламы, показывает переход чувств во внутреннее пространство сердца: «Ей “всё вдруг осветилось, как в откровении”. Ей открылось, что всё – живое, всё – есть: “будто пропало время, не стало прошлого, а всё – есть”! [...] и Куликово Поле, откуда явился Крест, – здесь, и – в ней! Не отсвет его в истории, а самая его живая сущность, живая явь» [10].

Принятие чуда ведет к преобразению Василия Сухова и Оли Средневой. Меняется и восприятие мира следователем: «Несказанное чувство переполнения, небывалой и вдохновенной радости (...) Всё томившее вдруг пропало, во мне засияла радость, я чувствовал радостную силу и светлую-светлую свободу – именно, ликование, упование: ну, ничего не страшно, всё ясно, всё чудесно, всё предусмотрено, всё – ведется... и всё – так надо. И со всем этим – страстная, радостная воля к жизни – полное обновление» [10].

Способность героев узреть свет незримый в рассказе И. Шмелева выступает в качестве эквивалента сознания, определяя мировосприятие героев. Образы мира с их свето-цветовой палитрой, глубиной раскрывающихся смыслов становятся залогом внутреннего приближения к источнику творения. А.Ф. Лосев в «Первозданной сущности» писал: «Энергия, исходящая от самого Первоисточника всякой энергии, есть, конечно, нераздробленная целостность Смысла. Она везде ровно и одинаково сияет, не встречая никаких для себя препятствий. Этот поток энергий, конечно, может быть только светом, а не цветом. Свет и есть эта цельная нераздробленная сила смысла, воспринятая умными очами. Цвет обязательно предполагает переход света в какое-то инобытие (...) Цвет есть осложненный свет» [4, с. 251]. Цветовое наполнение света в рассказе дано в соответствии с православным каноном, автор актуализирует багровый цвет (символика этого цвета идет от Священного Писания и напоминает о событиях распятия Христа). Таким образом, багровый свет воплощает мотивы искупления грехов, связан с кровью Христа и символизирует жертву и спасение. Розовым, золотым и синим светится Лавра: розовый цвет в христианской традиции ассоциируется с радостью и покаянием; синий цвет – это цвет Божией Матери, воплощающий высшую чистоту и непорочность; золотой символизирует небесную славу, нетленность, вечность, передает идею присутствия Бога. Белый цвет символизирует чистоту и ассоциируется со святостью, воплощенной в нетварном Фаворском свете.

Свету в «Куликовом поле» противопоставлена тьма, которая конфигурируется семантическими значениями абсурда, ига, разлома, подавления, ассоциируется с образом Мама и татарщины. Смысловое поле света у Шмелева рождено искрой святости, воплощается на пересечении веры, ясности, радости, ликования сердца, обновления и спасения, ассоциируется с образом Сергия Радонежского и Дмитрия Донского.

В «Куликовом поле» И. Шмелев не идеализирует действительность, изображает ее в многообразии. Но проявлениям абсурдности реальности, о которой говорит приват-доцент Сергей Иванович, не принявший, что «ворота Лавры затворились и лампы... погасли», [10], противостоит мир святости, создаваемый личностями, подобными Сергию Радонежскому.

Автор рассказа упоминает имена тех, кто причастен к формированию духовной культуры России, – это Дмитрий Донской, Иоанн Грозный.

Шмелев выводит читателя за границы только лишь художественного мира в пространство историческое, размышляет о вкладе в русскую цивилизацию патриарха Гермогена, Николая I, Н.М. Карамзина и В.О. Ключевского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского, В.В. Розанова, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, И.А. Ильина. В уста ученика Василия Осиповича Ключевского, приват-доцента Сергея Ивановича, Шмелев вкладывает важные слова о «нравственном запасе, завещанном нам великими строителями нашего нравственного порядка» [10], благодаря которому Россия продолжает свой духовный путь.

В романе «Я пришел дать вам волю» В.М. Шукшин дает глубокое понимание трагического противоречия исторического развития, показывает становление народа и империи: «бородатую, разопревшую в бане лесовую Русь покачнул все-таки Алексей Михайлович, а свалил ее, кажется, Стенька Разин и потом, совсем – Петр Великий» [12, с. 265].

Трагедийно-героическая фигура Степана Разина в интерпретации Шукшина хранит огромный материал для самопознания. В романе писатель говорит о сложности конкретной исторической личности, втянутой в острые социальные и общественные процессы и отношения эпохи: «эту-то добрую, справедливую душу чуяли в нем люди, и тянулись к нему, и надеялись, потому что с обидой человеку надо куда-нибудь идти, кому-то сказать, чтобы знали. И хоть порой томило Степана это повальное к нему влечение, но не мог отпихивать людей – тут бы и случилась самая его жестокая жестокость, на какую он не помышлял» [12, с. 18–19]. В образе Разина писатель воплотил мечту о социальной справедливости. Ключевыми концептами романа «Я пришел дать вам волю» стали «душа (176) – совесть (30) – мир (38) – миролюбие (6) – смирение (2) – правда (107) / справедливость (10) – ясность (52) – свет / светлый / светить (101) – воля (73) / свобода (12)» (в скобках приводится частота употребления словоформ в тексте).

Изображение пути, на котором герой Шукшина обретает духовное прозрение, – одна из важнейших задач романа. Писатель изображает бунт Разина как одну из первых попыток прорыва народа к внутренней свободе. Ею в полной мере обладал Стенька Разин, но природу воли и внутренней свободы мог постичь не каждый из тех, кто шел за атаманом: «Мужик – это камень на шею. Когда-нибудь он за собой утянет на дно» [12, с. 350]. Но зайти в страхе Разин не мог, неизбежным его путь сделала оголенная совесть народная и глубокая жажда справедливости.

Раскрывая природу воли, Шукшин апеллирует к народным представлениям об изображаемом явлении, связанном с категорией совести. Помимо

народного источника в понимании воли, обнаруживается влияние традиции А.С. Пушкина в трактовке концепта, согласно которой за человеком признается право на духовную независимость, включающее и ответственность за грех: «Иные, лучшие мне дороги права. / Иная, лучшая потребна мне свобода [...] для власти, для ливреи / Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи» [7, с. 533].

Работа ума Стеньки Разина и его беспокойная натура становятся теми самыми силами, которые сталкивают атамана с трудными, порой неразрешимыми вопросами человеческого бытия. В душе его рождается сплав совести, правды, справедливости, воли и яростной мощи. Воля и устремленность к утверждению правды становятся основой для становления самосознающей души казацкого атамана, который беспрерывно ведет напряженный духовный поиск.

Воля и правда, образующие семантическую связь в праве, дают зерно, из которого творятся реалии мира в соответствии с актуализированными ценностями и их смысловыми полями. Нравственное чувство народа милосердно, не приемлет жестокости, убийства безвинных и кающихся, да и казацкий атаман не оправдывает поступков и решений, рожденных логикой войны: «Он видел, он догадывался: дело, которое он взгромоздил на крови, часто невинной, дело – только отвернешься – рушится. Рассыпается прахом» [12, с. 312]. Воля возносит дух Разина над суетой, определяет ценностные выборы атамана и создает вектор событий, в которые он вовлекается. Он единственный из героев романа, характер которого меняется, а духовный мир обогащается новыми чертами: «и живет-то она, эта душа, и болит-то – в судорожных движениях любви и справедливости, и нету в ней одной только голой гадкой страсти – насытиться человеческим унижением, – нет, эту душу любили. Разина любили; с ним было надежно. Ведь не умереть же страшно, страшно оглянуться – а никого нет, кто встревожился бы за тебя, пожалел бы: всем не до того, все толкаются, рвут куски [...] Много умных и сильных, мало добрых, у кого болит сердце не за себя одного» [12, с. 50–51].

Правда сотрясает душу казацкого атамана, преобразует его врожденную доброту в потребность оказать помощь, взять на себя часть чужого страдания. Практическая реализация доброты есть не что иное, как явленное милосердие. Поступать немилосердно требует от атамана его сподвижник, умный и жестокий есаул Ларька Тимофеев. Однако остро переживаемая правда определяет выбор Разина, который ради русских мужиков идет на казнь. Шукшин через образ Разина определяет важнейшую для русского мира ценность родной земли, отраженной в духе: «Вдруг озарится человеческое сердце духом ясным, нездешним – любовь ли его коснется, красота ли земная, или охватит тоска по милой родине – и опечалится в немоте че-

ловек. Нет, она всегда грустна, эта минута, потому что непостижима и прекрасна» [12, с. 51–52].

Свет в романе представлен в разных своих ипостасях, озаряя разные грани и смыслы воли и правды. Различна интенсивность света, цветовое его наполнение и качества, эпитеты, сопровождающие энергию света: голубой и синий, белый, желтый, красный, ясный, тихий, мягкий, теплый, обильный, мертвый, недобрый, нахальный, лунный, нездоровый. Качественные интерпретации свет получает, проходя через сознание человека. Так, например, зеленый свет, струящийся из глаз Разина, наблюдает митрополит: «Вглядись: огонь-то в глазах... свет-то в глазах – зеленый! – Митрополит все показывал на Степана и громко, почти кричал. – Разуи его – там копытя!» [12, с. 278]. Столкновение правды Разина, правды митрополита, правды безвинно погубленного войной народа открывает путь к осмыслению главного вопроса романа – причины поражения освободительного движения, причины, по которой Разин принимает парадоксальное для многих решение и устремляется к собственной гибели. Ответ на этот вопрос лежит за пределами индивидуальной правды, в том, что не каждому понятно, но вне всяких сомнений знакомо казацкому атаману. Ответ этот явлен совестью, беспрестанно звучащей в его душе и образующей связь его воли и воли Бога.

Разин не принес русским мужикам освобождения от крепостной зависимости, но все-таки укрепил идеал человеческой жизни, сотканный из совести, милосердия, силы воли, доблести, красоты бытия, любви к миру и родной земле. Так Шукшин, как и Шмелев в «Куликовом поле», не только раскрывает суть эпохи, но и выводит читателя за ее пределы, размышляя о тех ценностях, которые дают силы самой жизни.

На идею преображения в фантастической повести братьев Стругацких «Пикник на обочине» указывает уже открывающий произведение эпиграф: «Ты должна сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать» [8, с. 3]. Действительно, в повести мало света, по большей части он искусственный, воля чаще «упакована» в форму позволения, правда не ясна, мир отмечен загадочными явлениями, которые человек не в состоянии осмыслить. Вектор движения человека к преображению организован столкновением его с чудом и надеждой на благоприятный исход в череде необъяснимых событий: «свет / светит / рассвет (48) – чудо (3) / чудеса (9) – воля (1) / волевой барьер (1) – мир / мировой (24) – надежда (6) – правда (14) / полуправда (1) – дар (5) – счастье (6) / счастливый (3) – душа (19)» (в скобках дано соотношение словоформ в тексте).

Мир повести неоднороден, определен как здешний, подлый, смрадный, знакомый, белый, знойный, измененный, новый, вечный и другой, отмечен он Шестью Зонами, некогда посещенными представителями

иных, инопланетных цивилизаций и существующими по неведомым законам, которые поднимают мертвых из могил и заставляют задуматься о нарушении принципа причинности: «Все мы в каком-то смысле пещерные люди, ничего страшнее призрака или вурдалака представить себе не можем. А между тем нарушение принципа причинности гораздо более страшная вещь, чем целые стада привидений» [8, с. 141–142].

Артефакты Зоны – «комариная плешь» (научный аналог в тексте – гравиконцентрат), «пустышки» (гидромагнитные ловушки), «зуда», «черные брызги», «ведьмин студень» (коллоидный газ), «смерть-лампа», «вечные батарейки», «газированная глина», «гремящие салфетки», Золотой шар – несут с собой опасность надвигающейся энтропии и одновременно с этим становятся основой для осмысления свалившихся с неба ответов «на вопросы, которые мы еще не умеем задать» [8, с. 138].

Авторская концепция идет дальше изображения только лишь искаженного инопланетным вторжением пространства. Для ее воплощения Стругацкие вносят идею «пикника на обочине»: «На траву понатекло автола, пролит бензин, разбросаны негодные свечи и масляные фильтры. Валяется ветошь, перегоревшие лампочки, кто-то обронил разводной ключ. От протекторов осталась грязь, налипшая на каком-то неведомом болоте... ну и, сами понимаете, следы костра, огрызки яблок, конфетные обертки, консервные банки, пустые бутылки, чей-то носовой платок, чей-то перочинный нож, старые, драные газеты, монетки, увядшие цветы с других полей...» [8, с. 105]. И здесь уже пространство Зоны неотличимо от пространства всей Земли, на которой главным хозяином был и остается человек. В своем интервью Аркадий Стругацкий говорил по этому поводу: «Не будет атомной бомбы – будет что-нибудь другое. Человечество – на нынешнем его массово-психологическом уровне – обязательно найдет, чем себя уязвить» [3]. И здесь уже проявляется обобщающий характер Зоны, включающей в себя, помимо прочего, указание на неблагополучие человечества самого по себе, которое завуалировано писателями под образом Зоны Посещения.

Свету в повести противопоставлена тьма, семантическое поле которой складывается из незнания, невежества, грязи, смрада и порока.

Вселенная, воплощенная в пространстве Земли через необъяснимую природу артефакта, раскрывается как думающая разумная сущность, которая указывает человеку, на что следует обратить внимание. Зоны, в которых даже время в привычном понимании отсутствует, становятся для человека чистилищем, выбивая из него скверну и дурноту. Ловушки же Зон выступают в качестве пространства испытаний на чистоту намерений и достоинства тех, кто прикасается к неизведанному. Сталкеры, влекомые неясными желаниями, жадностью, жаждой обретения несметных

богатств или всемирной славы, всем недовольные и разочарованные, погибают один за другим, но интерес к неизведанному пространству с его причудливыми вещицами не ослабевает. Осторожность, тонко настроенные чувства становятся залогом благополучного исхода лишь для некоторых из них.

Профессиональный сталкер Рэдрик Шухарт относится к тому малочисленному племени сталкеров, которые обошли не одну ловушку зоны, выйдя из нее невредимыми. Стругацкие наделяют его самоотверженностью и способностью к самопожертвованию, ставят перед выбором между личными интересами и общественным благом. Обстоятельства гибели Кирилла, ставшего его напарником в очередном походе в запретную зону, становятся для Рэдрика мотивом к внутреннему преобразению. Обращение к Золотому шару напоминает молитву как канал связи с Богом, которую утратили люди: «Я животное, ты же видишь, я животное. У меня нет слов, меня не научили словам, я не умею думать, эти гады не дали мне научиться думать. Но если ты на самом деле такой... всемогущий, все сильный, всепонимающий... разберись! Загляни в мою душу, я знаю, там есть всё, что тебе надо. Должно быть. Душу-то ведь я никому и никогда не продавал! Она моя, человеческая! Вытяни из меня сам, чего же я хочу, – ведь не может же быть, чтобы я хотел плохого! [...] ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов – СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!» [8, с. 189–190].

Заключение

Писатели разными путями ведут своих героев к Преображению. У И. Шмелева в качестве главных компонентов выступает вера, чувство сопричастности миру земному и небесному, которые рождают радость и ликование в душе человека; В. Шукшин актуализирует категории правды, воли и совести, через них утверждает человеческое достоинство; А. и Б. Стругацкие в качестве важнейшего компонента преобразования героя выделяют способность мыслить категориями надличностного общественного блага. Каким бы ни был путь героев к Преображению, какие бы конфигурации он ни принимал, трансформация всегда сопряжена с трудом души и проявлением иного высшего светоносного бытия.

Литература

1. *Гаричева Е.А.* Феномен преобразования в русской художественной словесности XVI–XX веков: автореф. дис. ... д-ра филол.: 10.01.01. – М., 2009. – 46 с.
2. *Донских О.А.* Воля в мирном свете правды // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 (32), ч. 2. – С. 163–170. – DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-163-172.

3. Коллективное интервью, взятое у Аркадия Натановича Стругацкого семинаром молодых писателей-фантастов 17 марта 1982 года в редакции журнала «Знание – Сила» («в подвале у Романа») / записал В. Бабенко // Публицистика АБС. – URL: <http://www.rusf.ru/abs/int/ans-kafe.htm> (дата обращения: 28.02.2024).
4. Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность / сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс, 2006. – 976 с.
6. Палама Г. Триады в защиту священно-безмолвствующих. – 4-е изд., испр. – М.: Рипол-Классик, 2019. – 440 с.
7. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. Стихотворения, 1813–1836. – СПб.: Библиополис, 1993. – 600 с.
8. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Пикник на обочине. – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – 192 с. – (Русская классика).
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель, 2000.
10. Шмелев И.С. Куликово поле. – URL: <https://skazki.rustih.ru/ivan-shmelev-kulikovo-pole/> (дата обращения: 28.02.2024).
11. Шмелев И.С. Творчество А.П. Чехова. – URL: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/public/tvorchestvo-chehova.htm> (дата обращения: 28.02.2024).
12. Шукшин В. Я пришел дать вам волю. – М.: Дружба народов, 1999. – 384 с.
13. Hutchings S.C. Russian Modernism: The Transfiguration of the Everyday. – New York: Cambridge University Press, 1997. – 295 p.

References

1. Garicheva E.A. *Fenomen preobrazheniya v russkoi khudozhestvennoi slovesnosti XVI–XX vekov*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [The Phenomenon of Transfiguration in Russian Literary Fiction of the 16th – 20th Century. Author’s abstract of Dr. filol sci. diss.]. Moscow, 2009. 46 p.
2. Donskikh O.A. Volya v mirnom svete pravdy [“Volya” in the Peaceful Light of “Pravda”]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2017, vol. 9, iss. 2, pt 2, pp. 163–172. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-163-172.
3. Babenko V., interviewer. Collective interview taken from Arkady Nathanovich Strugatsky by the seminar of young fiction writers on March 17, 1982 in the editorial office of the magazine “Znanie-Sila” (“in Roman’s basement”). *Publitsistika ABS*. (In Russian). Available at: <http://www.rusf.ru/abs/int/ans-kafe.htm> (accessed 28.02.2024).
4. Losev A.F. *Mif – Chislo – Sushchnost’* [Myth – Number – Essence]. Moscow, Mysl’ Publ., 1994. 919 p.
5. Ozhegov S.I. *Slovar’ russkogo yazyka* [Russian language dictionary]. 25th ed. Moscow, Oniks Publ., 2006. 976 p.
6. Palamas G. *Triady v zashchitu svyashchenno-bezmolstviyushchikh* [Triads in defense of the sacredly silent ones]. 4th ed. Moscow, Ripol-Klassik Publ., 2019. 440 p. (In Russian).

7. Pushkin A.S. *Sobranie sochinenii*. V 5 t. T. 1. *Stikhotvoreniya, 1813–1836* [Collected Works. In 5 Vols. Vol. 1. Poems 1813–1836]. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 1993. 600 p.
8. Strugatskii A.N., Strugatskii B.N. *Piknik na obochine* [Picnic on the Side of the Road]. Moscow, AST Publ., St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2010. 192 p. (In Russian).
9. Ushakov D.N., ed. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. V 4 t. [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, Astrel' Publ., 2000.
10. Shmelev I.S. *Kulikovo pole* [Kulikovo Field]. Available at: <https://skazki.rustih.ru/ivan-shmelev-kulikovo-pole> (accessed 28.02.2024).
11. Shmelev I.S. *Tvorchestvo A.P. Chekhova* [The works of A.P. Chekhov]. Available at: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/public/tvorchestvo-chehova.htm> (accessed 28.02.2024).
12. Shukshin V. *Ya prishel dat' vam volyu* [I've come to give you freedom]. Moscow, Druzhba narodov Publ., 1999. 384 p.
13. Hutchings S.C. *Russian Modernism: The Transfiguration of the Everyday*. New York, Cambridge University Press, 1997. 295 p.

Статья поступила в редакцию 23.10.2023.

Статья прошла рецензирование 19.12.2023.

The article was received on 23.10.2023.

The article was reviewed on 19.12.2023.